

Борис Акунин

Сулажин

КНИГА-ОСЬМИНОГ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А44

*Любое использование материала данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.*

Серия «Новые жанры Бориса Акунина»

Оформление — Андрей Ферез

Иллюстрации — Павел Чувин

Акунин, Б.
А44 Сулажин: [книга-осьминог] / Борис Акунин. — Москва: Изда-
тельство АСТ, 2019. — 224 с. — (Новые жанры Бориса Акунина.)

ISBN 978-5-17-114512-5

Это не просто книга, а литературная игра, в которой главное зависит от самого читателя. После первой главы вам придется выбирать, какой дорогой пойти дальше. Вернуть назад будет уже нельзя – совсем, как в жизни.

Куда вы в конце концов попадете – к хэппи-энду или в могилу, в рай или в ад – будет зависеть от принятых вами решений.

А еще это тест, по итогам которого вы получите заключение психолога о вашем типе личности.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-114512-5

© В. Akunin, 2019
© eBook Applications LLC, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

ОСТОРОЖНО!

ЭТО НЕ ПРОСТО КНИГА!

Это тест, которому вы сами себя подвергнете — и результат которого может вас удивить.

Читать книгу нужно так. В финале каждой главы вам придется выбрать один из двух вариантов. И перейти на указанную страницу.

Точек, где нужно принимать подобные решения, будет три, и каждая не так проста, как кажется. Будьте осторожны. Хорошо подумайте, прислушайтесь к себе.

Книга-осьминог вынудит вас выбрать только один из ее восьми щупальцев, пройти по нему до самого кончика и получить заключение психолога: что вы за человек.

Волнуюсь за вас. Счастливого пути!

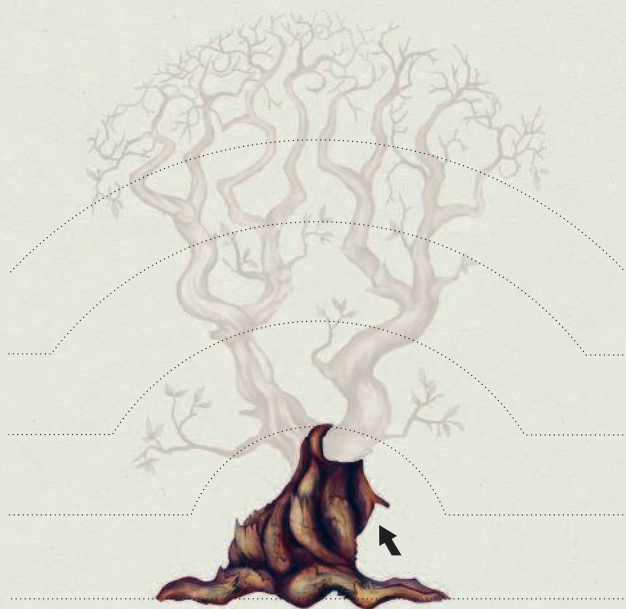
Борис Акунин

Этот проект существует и в электронном виде — с музыкой и разными аксессуарами: <http://osminogproject.com/>

О г л а в л е н и е

		на страницу 7
Часть первая		на страницу 23
Часть вторая	ветвь первая	на страницу 47
	ветвь вторая	на страницу 63
Часть третья	ветвь первая	на страницу 75
	ветвь вторая	на страницу 97
	ветвь третья	на страницу 113
	ветвь четвертая	на страницу 131
Часть четвертая	ветвь первая	на страницу 143
	ветвь вторая	на страницу 157
	ветвь третья	на страницу 175
	ветвь четвертая	на страницу 191
	ветвь пятая	на страницу 199
	ветвь шестая	на страницу 207
	ветвь седьмая	на страницу 217
	ветвь восьмая	

Часть первая

Если б не сулажин. Ночью от волнения мне не удалось бы сомкнуть глаз. Лев Львович сказал: «Это переменит твою жизнь. А ее необходимо переменить». Он слов на ветер не бросает. Если сказал, что переменит. Значит, так и будет. Никому на свете я не доверяю так. Как ему.

Мою жизнь. Что от нее осталось. Обязательно нужно переменить. Долго я так не выдержу. Уж три месяца точно не выдержу.

«Перед сном прими таблетку, — сказал Лев Львович — Вне зависимости от болей. Просто чтобы выспаться».

Лекарство помогло. Оно никогда не подводит. Сон был ровный, без пробуждений. Действие сулажина продолжается двенадцать часов. Поэтому утром всё покачивалось, подплывало. А когда к середине дня мир стал фиксироваться. Твердеть углами, выпячиваться шипами. И острые, враждебные выступы начали в меня вонзаться. Всё больней, больней. Пришлось принять еще одну таблетку.

Теперь мне хорошо. Только мысли, как обычно, короткие. Короткие и немножко путаются. «Мысли с коротким дыханием». Это Лев Львович так говорит. Он умеет находить точные слова.

Звоню ему в половине восьмого. Ритуал такой. Называется «звонок Другу».

«Ну что, — говорю, — идти?» — «Обязательно, — отвечает. — Я что мог сделал. Мои возможности исчерпаны. Не мой профиль. Теперь только этот Громов. Если то, что я про него слы-

шал, правда. Он работает без лицензии. И кто бы дал ему такую лицензию? Конспирируется, прямо карбонарий. Но я выяснил, проверил. Громов — тот, кто тебе нужен. Он действительно помогает таким, как ты. Когда вернешься, позвони. Всё расскажешь. Подробно. Тогда решим, то это или не то».

Лев Львович никогда не говорит о себе. Я понятия не имею. Есть ли у него семья. Чем он интересуется. Что читает. Странно, что он

помянул карбонариев. У меня на столе книга про карбонариев. Я в последнее время могу читать только историческую литературу. Не знаю почему. Совпадение, конечно. Случайное. Просто Лев Львович, как мне иногда кажется. Знает всё на свете. В том числе про меня. Неудивительно, если учесть. Сколько я ему про себя рассказываю.

Потом он подробно объяснил, как там у Громова и что.

На память сулажин не действует. У него есть другие побочные эффекты, но на память он не действует. Помнить всё помнишь. Иногда даже то, чего на самом деле не было. Это ведь экспериментальный препарат, в нем не всё еще отработано. Лев Львович говорит, что сулажин пока испытывают. Не знаю, что бы со мной было без сулажина. То есть, догадываюсь, конечно.

Инструкции очень точные. Я следую им в доскональности.

Еду на метро. Потому что, если взять такси, с московскими пробками никогда не угадаешь. А своей машины у меня нет, уже давно. Не факт, кстати, что под сулажином можно садиться за руль. Наверняка нельзя. Какая езда, если всё будто слегка не в фокусе.

В метро час пик. Хотя большинство пассажиров возвращаются в спальные районы. А я наоборот еду в центр. Вагон переполнен. Вокруг столько людей. Я существую от них отдельно. Уже две недели. И навсегда. Ну, в смысле, не навсегда. «Навсегда». Ха-ха.

Я смеюсь. На меня оборачиваются. Кто обернулся, задерживает взгляд. Обычное дело. У меня такое лицо, что люди на него смотрят. Теперь-то мне это все равно. А раньше нравилось.

От «Пушкинской» иду пешком. Вдоль улицы стоят и светят огнями машины. Смотришь вперед — огни желтые. Обернешься — красные.

Станный город Москва. Всё шиворот-навыворот. Медленный человек движется, быстрые автомобили стоят. Весной природа должна оживать, а от голых деревьев несет смертью. Светятся окна, но людей внутри нет. Ведь это центр, сплошные офисы, рабочий день уже кончился.

Я чувствую себя инопланетным существом, которое понимает устройство здешней жизни. Потому что готовилось к приземлению,

изучало данные. Но всё вокруг неродное, чужое, бессмысленное.
Низачем. Но мне лучше. Мысли уже не дергаются, не пунктируются.

Вот нужный адрес.

Арка, всё правильно. Двор пройти насквозь. Направо за угол.
Глухой колодец из кирпичных стен.

Дверь в полуподвал.

Вывеска «Подготовительные курсы». Это здесь.

Лев Львович хорошо объясняет. А я хорошо запоминаю.

Он сказал: «Звони три раза короткими. Один длинный. Потом два коротких. Не ошибись, а то не откроют».

Звоню, как велено. Справа над дверью камера. Поднимаю лицо, чтобы меня было лучше видно. Сейчас должны спросить: «Вы к кому?»»

— Вы к кому? — с потрескиванием спрашивает щиток, весь в дырочку.

Я называю свою фамилию и прибавляю: «Вам звонили».

Только теперь жужжит замок, дверь приоткрывается.

Спускаюсь, с каждой ступенькой всё сильнее волнуясь. Мне очень нужно переменить жизнь. Очень.

Коридор. Опрятный. Даже, пожалуй, стильный. Это дорогая простота: обитые бордовой тканью стены с дубовыми панелями. Цветные литографии с рысаками и охотничьими собаками.

Всё это должно стоить больших денег. Значит, помощь Громова обойдется недешево.

Ничего. Был бы прок. А денег я достану.

Где-то играет тихая музыка. Армянская свирель, как ее? Дудук.

Двери слева и справа. Одна приоткрылась.

Выглядывает молодой человек. Худой, в серой водолазке. Череп лысый или начисто обритый. Глаза, как у больной собаки.

Я смотрю на его руки, торчащие из засученных по локоть рукавов. Жилистые руки, сильные, со слегка разбухшими суставами. Интересные руки. Вообще интересный субъект.

— Вы Громов?

— Что вы. Я ассистент. Хорошо, что вы пришли раньше. Мне нужно заполнить анкету и отнести Учителю. А занятие начнется ровно в девять. Когда все придут.

Испытываю неприятное удивление.

— Все? Это что, группа? Но я не хочу в группе!

— Так лучше, — быстро говорит ассистент. Брови у него двигаются, и от этого вся кожа на голом черепе ходит туда-сюда. — У нас система. Не понравится — уйдете и не вернетесь.

— А... сколько это стоит? — осторожно спрашиваю я.

— Не беспокойтесь. Всё индивидуально. И никому не обременительно. Каждый делает добровольный взнос. Сколько пожелает, и необязательно в денежной форме.

Мы в маленьком кабинете. Тоска, а не кабинет. Не на чем остановиться глазу. Стол, оргтехника, стеллажи. Ни картинки, ни ка-

лендаря. Мне нравится этот кабинет. Похож на меня. Ха-ха. Нервозность немного отстывает.

Вопросы вначале обычные. Отвечать на них легко. Адрес, семейное положение, ближайшие родственники, профессия, краткая биография. Потом лысый спрашивает про неприятное. Но кабинет бесцветен, ассистент бесплотен, тихий перестук клавиатуры бесстрастен. Рассказываю всё, как есть, и даже не дрожу голосом.

Он задает еще несколько уточняющих вопросов. Бьет по клавише.

— Всё, — говорит, — отправил. — И показывает куда-то за стенку. — А вы идите в гостиную. Это налево до конца. Скоро подойдут остальные четверо, и начнется. У нас никто не опаздывает.

Гостиная не похожа ни на пуританский кабинетик ассистента, ни на буржуазно-англоманский коридор. Она голая, белая. Несколько стульев в кружок, в стороне стол — и всё.

Сажусь, жду. Время от времени смотрю на часы. Сердце бьется гораздо быстрее, чем сменяются секунды на электронном циферблате.

Без четырех минут девять входит женщина в темных очках с зеркальными стеклами. Кивает, садится. Не рядом. Ей удобно меня разглядывать, глаз-то не видно. Но смотрит она на меня или нет, непонятно. Слишком неподвижно она сидит.

Молчим.

Женщина не молодая и не старая. Одета дорого, но небрежно. Губы не подкрашены, ногти без лака и, кажется, даже без маникюра. Стянутые в узел волосы и большие очки делают ее похожей на стрекозу.

Не то чтоб мне было интересно, кто она и что с ней. Просто в пустой комнате смотреть больше не на что.

Снова шаги. Мужчина. Лет пятидесяти. Ввалившиеся глаза. Шея с огромным кадыком торчит из слишком широкого ворота. Но рубашка безукоризненно бела, галстук аккуратно повязан, коричневый твидовый пиджак застегнут на все пуговицы. «Черепак», — думаю я.

Тоже молча кивает. У них тут не принято разговаривать?

Сразу же появляются еще двое. Они пришли вместе, что уже странно. Он и она. В коридоре они о чем-то вполголоса перегова-